

Гао Мэнли спала крепким сном, пока её не разбудил стук, доносившийся из-под навеса во дворе.

Она лежала в кровати и, не открывая глаз, пробормотала:

— Сиси, режь овощи потише, ты мне спать мешаешь.

Лин Си, спавший на полу, протёр глаза и приподнялся:

— Женушка, я не режу овощи.

Гао Мэнли прислушалась к размеренному «тук-тук-тук» под навесом, почувствовала раздражение и села. Лин Си, увидев на лице своей благоверной выражение крайнего недовольства, поспешно откатился в сторону — он совсем не хотел снова получить пяткой в грудь, когда она решит встать.

Гао Мэнли выбежала наружу, уже готовая закричать, но тут увидела Да Ню, который под навесом рубил корм для кур. Сонливость как рукой сняло, разум мгновенно прояснился. О небеса, она чуть не забыла, что попала в это место, где у неё есть ещё и «дорогой сынок».

Она поспешно проглотила слова, готовые сорваться с языка, и сменила гнев на милость:

— О, Да Ню, зачем ты это режешь?

Да Ню поднял голову, робко взглянул на Гао Мэнли и послушно ответил:

— Матушка, я рублю корм для кур. Сегодня их ещё не кормил.

Только что, увидев, как мать вылетает из дома в ярости, он едва не лишился чувств от страха. Кто бы мог подумать, что она сменит гнев на милость так быстро, словно по волшебству? Он едва поспевал за переменами в её настроении.

— О? Куры? — Гао Мэнли только сейчас вспомнила, что в хозяйстве есть три курицы.

Правда, из-за палящего солнца они попрятались в кучу кукурузных стеблей в стороне. Глядя на этих полугодовалых несушек, она поморщилась: ни яиц от них, ни мяса — сплошное разочарование.

Куры, казалось, думали: пожалей нас, мы же ещё дети.

Гао Мэнли взглянула на небо — день был в самом разгаре, и она решила навести в доме порядок.

— Си... отец ребёнка, собери наволочки и простыни, пока солнце печёт, надо всё перестирать, — крикнула она в сторону дома, а сама схватила большой таз и поставила у колодца.

Да Ню посмотрел на небо: уже послеобеденное время, не со зрением ли у матери проблемы? Но он всё равно отложил нож, высыпал корм в каменную кормушку и подбежал к Гао Мэнли:

— Матушка, я сам, я сам стираю.

Всю одежду в доме всегда стирал он. О том, чтобы мать сама взялась за стирку, он даже помыслить не мог. А вдруг она сочтёт его ленивым и найдёт повод поколотить? Этого нельзя было допустить. Это называлось предусмотрительностью: уничтожить «причину для взбучки» в зародыше.

— Не надо, отойди подальше, ты всё равно толком не отстираешь, — отрезала Гао Мэнли.

Глядя на Да Ню, который в свои десять лет выглядел как семилетний заморыш, она подумала, что прежняя хозяйка тела натворила немало бед. Однако вскоре Гао Мэнли горько пожалела о своих словах. Когда она принялась за работу, то поняла, что совершила ошибку. Она смотрела на «человеческие» пятна на простыне, которые не отстирывались, как бы она их ни тёрла.

Чёрт возьми, ни мыла, ни порошка — как тут вообще можно что-то отмыть? Неудивительно, что одежда в доме вроде бы и не грязная, но до чистоты ей как до луны.

Лин Си, увидев, как Гао Мэнли с почерневшим лицом пытается буквально стереть простыню в пыль, поспешно собрал одежду и присел рядом:

— Женушка, давай я, а ты отдохни.

Он ловко выхватил простыню из её рук и принялся энергично тереть. Да Ню, наблюдая за этой сценой, едва не лишился дара речи: отец сам вызвался стирать? Впрочем, вспомнив, что тот ещё и готовить начал, он успокоился. Видимо, старая поговорка о том, что раскаявшийся блудный сын дороже золота, верна. Он начал понемногу верить, что родители и правда решили взяться за ум.

— Да Ню, а чем ты обычно стираешь? — Лин Си тёр уже долго, вода в тазу стала мутной, а пятна на простыне всё ещё пугающе выделялись.

Да Ню очнулся от раздумий и ответил:

— О, отец, я обычно использую... древесную золу.

— Древесную золу? — Лин Си замер. Отмыть-то она отмоеет, но у него была лёгкая брезгливость, и душа к такому способу не лежала.

— А ничего другого нет? — не унималась Гао Мэнли.

Да Ню покачал головой, пряча взгляд:

— Кроме золы есть только мыльные бобы, но из-за прошлогодней засухи их осталось совсем мало...

Он очень боялся, что и бобы сейчас пустят в расход. Если закончатся, то потом ни помыться, ни голову вымыть — придётся ждать осени, пока созреет новый урожай.

— Сойдёт! Да Нью, доставай бобы, я сейчас вскипачу воду на кухне и всё отстираю! — обрадовался Лин Си.

В глазах Да Нью это выглядело как форменное расточительство. Раньше, когда времена были лучше, семья жила зажиточно. Но с тех пор, как родители подсели на азартные игры и погрязли в долгах, всё имущество ушло с молотка. А после того, как дед настоял на разделе дома, им и вовсе не на кого было рассчитывать. Если они продолжают так транжирить, как же им жить дальше?

Да Нью, нехотя и медленно, поплёлся на кухню. В самом дальнем углу, за дровами, он откопал пять крупных бобов. Почувствовав, что это слишком большая трата, он молча убрал два обратно, а остальные протянул Лин Си:

— Отец, держи.

Лин Си поспешно взял их, ополоснул, занёс на кухню, растолок и бросил в котелок с водой. По уму их надо было замочить на ночь, чтобы размякли, но сейчас времени не было. Эффект будет хуже, но хоть что-то.

Гао Мэнли оглядела их нищенское жилище: ни нормальных вещей, ни даже туалетной бумаги. Сегодня, когда желудок был полон, она присела рядом, размышляя, как заработать денег. О земледелии можно было забыть — поля уже проданы. Куры — одни кости. В кармане осталось девяносто монет из ста двадцати — тридцать ушли на белую муку для сыночка.

— Эх, и правда, одна монета может свести с ума даже героя, — вздохнула она.

Она взглянула на Да Нью, который сидел у порога кухни и с болью в сердце наблюдал за «расточительством» отца. Бедный ребёнок, наверняка натерпелся в этом доме. Теперь, когда она проживёт вторую жизнь, нужно будет сполна насладиться свободой. Она вспомнила свои запасы в конце света, которые так и остались нетронутыми, и сердце сжалось от жалости. Знала бы — съела бы всё сама, а не экономила. Вот уж правда: ничего с собой в могилу не заберёшь.

Она поднялась, решив собрать немного почек вяза — если верить Да Нью, из них можно сделать паровые булочки, которые удастся продать.

Гао Мэнли обернулась и спросила:

— Да Ню, сколько идти от нашей деревни до уезда Пинъяо?

— О, матушка, пешком часа два, а на воловьей повозке — полчаса, — ответил Да Ню, чувствуя, как внутри всё сжалось. Неужели мать снова собралась в уезд, чтобы играть в азартные игры?

<http://bllate.org/book/20798/2089969>